

(Окончание. Начало на стр. 1)

СЛОВОВО ОТ БОГА

Л. Верская, 13. - 2002 - 22 июня - с 1-2

Он мельком посмотрел, перелистал и отложил в сторону. Потом начал наигрывать разные знаменитые мелодии, большинство которых, к великому моему стыду, я не знал. И здесь случилось чудо: Глазунов легко и непринужденно, без единой ошибки, в точном темпе сыграл всю увертюру к моей опере. Я был ошеломлен и повел себя крайне глупо: стал заглядывать под роль, в струны в поисках своих нот. Но они продолжали сиротливо лежать на прежнем месте. Значительно позже я узнал о его феноменальном даре, почти патологической музыкальной памяти. Например, на вечере у Римского-Корсакова Бородин сыграл увертюру к только что сочиненному им «Князю Игорю». Бородин скончался, а Глазунов по памяти всю увертюру записал, оркестровал, и она идет во всех театрах в этом варианте. В течение почти двух лет я занимался с ним по воскресеньям, и эти занятия дали мне больше, чем все последующие консерваторские годы. Правда, иногда занятия заключались в том, что я бегал на угол Казанской и Невского за коньяком, но и это входило в круг нашей совместной деятельности, несмотря на то, что тогда я даже не пригубливал спиртное.

- Это как-то отразилось на вашем отношении к горячительным напиткам в дальнейшем?

- Студентами мы выпивали, но для удовольствия, а не для разгрома витрин. Между прочим, я и сегодня с удовольствием выпью рюмку-другую.

- А кого еще хранит память?

- Как-то в газетах объявили конкурс лирической песни. В те времена я писал сложную оркестровую, ансамблевую музыку, а лирических песен у меня не было. Я подбил на это дело драматурга Матвея Тевелева, который тоже никаких стихов не писал, и мы что-то такое сочинили и отправили по указанному адресу. Время проходит, ни ответа ни привета. По каким-то делам приезжаю в Москву, мне попадаетеся на глаза афиша, где объявлен концерт Сергея Яковлевича Лемешева и против песни «Письмо в Москву» - моя фамилия. Пришел на концерт, после него представился певцу. Потом я писал для него песни. Много лет спустя, когда уже не было в живых моих друзей, вышла пластинка: на одной стороне мои песни в исполнении Утесова, на другой - Лемешева.

- Молва гласит, что между поклонниками Лемешева и Козловского шли нешуточные баталии. И в них перевес был на стороне последних.

- Я бы не сказал. Девушки, которые окружали Козловского, были некрасивыми, а у Лемешева - одни красотишки. (Поклонниц Козловского называли «сыры». Откуда пошло это название? Есть версия, по которой жаркие почитательницы его таланта засеки, говоря современным языком, какой сорт сыра их кумир как-то купил в Елисейском магазине. Они тут же купили его и поделили между собой.) Козловский, как верный супруг, дамами не интересовался, а повадки Лемешева были известны, и вокруг него всегда крутились девушки одна другой симпатичнее. У Сережи кроме качества голоса было личное обаяние, он был очаровательный мужик, не дурак выпить. С Козловским я совершенно не общался, потому что он мне не нравился как

человек. Он был вздорным, капризным, с большим самомнением и одним из самых глупых людей в стране. Правда, был грех. Одним обстоятельством я гордился. Когда в Москву приехал Черчилль, Козловский спел ему «Темную ночь». В Англию тот увез с собой сто пластинок с записями Козловского. Там была и моя песня.

- Мандельштам писал: «Мы живем, под собою не чуя страны...» Вам приходилось испытывать что-либо похожее в какие-то времена?

- Может быть, это стыдно, но я никогда не интересовался страной. Все мои мысли были направлены на

творческое благополучие и на свою судьбу в этом мире, который я воспринимал иронически. В духовном плане у меня не было драм и трагедий. Было ясное, радостное ощущение жизни, праздника бытия. К счастью, трагедии прошли мимо меня, только холодом от них повеяло. Например, после убийства Кирова в 1934 году из Ленинграда стали выселять дворянские семьи. Всем нашему семейству предписывалось ехать куда-то в Среднюю Азию. За нас ходатайствовал друг семьи генерал медицинской службы еще при царе Григорий Григорьевич Епифанов, прятавший когда-то у себя в имени Менжинского.

В результате его хлопот нашей семье заменили место ссылки, теперь это была Казань, где, так и не вернувшись в Ленинград, умерли бабушка, мама и отчим. (Была еще сестра, родная по матери, умершая в десятилетнем возрасте.) Мне назначили место проживания Сыктывкар. Но я подумал, а что если я туда не поеду? И не поехал, и обо мне забыли. Кстати, мой дед был камергером Двора Его Императорского Величества. Когда Репин писал картину «Заседание Государственного Совета», то дед как камергер входил туда автоматически. Художник был у нас дома и подарил карандашный эскиз. Когда нача-

лась вся эта кутерьма с высылкой, бабушка так испугалась, что зачернила мундир деда тушью, а в 1937 году и вовсе сожгла рисунок.

- Многие ваши песни, особенно такие, как «Спят курганы темные», «Шаланды», «Темная ночь», давно стали народными. А как они создавались?

- Уникальный случай, которого не было ни у одного из моих коллег, да и у меня потом тоже - это появление песни «Темная ночь». Вечером ко мне пришел режиссер Леонид Луков, с которым я делал много фильмов, и сказал, что никак не получается песня в землянке. Вообще-то не должно быть никакой песни, но без нее никак не получается сцена. (Снимался фильм «Два бойца».) Я сел к роялю и просто сыграл сразу всю песню, без единой остановки и корректировки. Мелодия Лукову понравилась. Позвали поэта Агатова, который, присев к краешку стола, тоже почти без поправки написал стихи. Потом разбудили Бернеса, отсыпавшегося от бесконечных съемок, раздобыли гитариста и глубокой ночью поехали на студию, взломали печать на звуковом павильоне. И Марк, который обычно учил песни буквально месяцами, надоедая всем по ночам просьбами что-то изменить, добавить, убрать, тут за десять минут выучил и в фильме спел совершенно точно.

- Как вы думаете, современная песня изменится?

- Да это же не песня, а сплошные выкрики. Она не может деформироваться, не будучи песней. И ничего из нее вырасти не может, потому что ни интонационно, ни по смыслу она не воспринимается. Между тем некоторое время назад я попал в дом, где оказалось много современной молодежи. Отыскали старую пластинку со знаменитыми песнями советских времен, проигрыватель. Вы бы видели, как слушали ребята, с каким интересом. Я убежден, песни эти просто-напросто им не дают. Нельзя же в самом деле всерьез говорить о чепухе под названием «Старые песни о главном».

- Кто, как вы считаете, из отечественных композиторов будет исполняем в XXI веке?

- Наверняка Свиридов, хотя это не самый мой любимый композитор. Стравинский. Шостакович. Но не долго, лет сто.

- А из песенников?

- А никто! Подобные прогнозы делать весьма трудно, легко можно попасть пальцем в небо. Но могут быть вот какие вещи: старые, прочно забытые песни неожиданно обретают новую судьбу. Скажем, песня Бориса Мокроусова «Вологда». Она ведь была написана давно и забыта. А «Песняры» ее воскресили.

- Ваша любимая добродетель?

- Ни в юности, ни сегодня особо любимой добродетели

у меня не было. Я никогда не придерживался строгих моральных устоев. Но добродетель заключается в том, чтобы не предавать друга, не ябедничать и не врать, когда попался.

- А к какому пороку вы более всего снисходительны?

- К блуду. Если кто-то в этом уличен, я не могу быть ему суровым судьей. С возрастом и мои донжуанские эксперименты утратили былую привлекательность.

- Ваше любимое качество у мужчин и у женщин?

- У мужчин - верность, у женщин - нежность. Первая жена была очаровательная молодая художница, но жизнь с ней не сложилась. Точка была поставлена на весьма нелепом эпизоде. Это было в Ленинграде. Денег ни копейки, и вдруг я получаю на студии какую-то крупную сумму. Прихожу домой, говорю: «Ирка, живем!» На следующий день она опять просит на обед, на что я ей замечую, что только вчера отдал вполне приличную сумму. Торжественным тоном она объявляет: «Я сделала очень важную покупку!» Ни за что не догадываетесь, что она приобрела. Кандалы Рылеева! Нашла в каком-то комиссионном магазине да еще с квитанцией, удостоверяющей их подлинность. Брак развалился мгновенно. Я просто представил, что может быть дальше. Потом я долго жил со второй женой, замечательной женщиной. Она, к несчастью, умерла. Сейчас у меня прекрасная жена Алла.

- К чему питаете наибольшее отвращение?

- К бездарности, которая гримируется в творца. Когда эта бездарность настойчиво, всеми способами внедряется, используя приятельские отношения, подкуп, - вот это омерзительно.

- Какое ваше любимое занятие?

- Помимо творчества? Конечно, чтение. Моя библиотека насчитывает 12 тыс. томов, но целый ряд собраний сочинений советских классиков с дарственными надписями стоят на полках, как говорится, для мебели.

- Мы говорим - розыгрыш, подразумеваем - Богословский...

- Розыгрыш - это театр для себя. Я разыгрываю только друзей и только тех, кто обладает чувством юмора. В противном случае это либо хулиганство, либо месть. Никогда не разыгрываю женщин. Из вежливости, из галантности. И потом надо учитывать уровень обидчивости и не всегда адекватное восприятие того, что было шуткой. У меня был один розыгрыш, задуманный 27 лет назад. Он шел как многосерийный фильм. Но вот беда: его участники начали умирать, а когда актеры выдыхают, надо менять сюжет.

- Кто же его жертвы?

- Э, не скажу. Еще много живых действующих лиц.

- Судя по вашей книге, всю жизнь вы были с юмором на ты. Как, по-вашему, это продукт скоропортящийся?

- Есть юмор бессмертный, основанный на различных жизненных, бытовых ситуациях, которые могут существовать в любые эпохи. И есть юмор, основанный на политической или бытовой конъюнктуре сегодняшнего дня, он быстро устаревает. Мир будет смеяться над неожиданно упавшим человеком, но при одном условии, если тот не поранится, а встанет и отряхнется.